Думая об этом, он начал сожалеть, что не взял те часы. Даже если бы его поймали и посадили, разве они не были подарком от Сун Цзиньчэня? Если бы он продал их, даже по низкой цене, то выручил бы немало денег.

Свет в ванной выключился, и Сун Цзиньчэнь вышел, обёрнутый полотенцем, вытирая волосы. Он был уже не молод, но на его теле не было лишнего жира, мышцы равномерно распределялись по стройным конечностям, выглядело это не плохо, даже можно было сказать, что превосходно.

— Иди помойся, — Сун Цзиньчэнь сел на край кровати, и Чу Юй подскочил и побежал в ванную, как беглец.

Сун Цзиньчэнь не очень понимал, почему тот так его боится, но эта наивная пугливость казалась ему свежей и интересной, поэтому он не стал обращать на это внимания.

Чу Юй, помывшись, вспомнил, что у него нет сменной одежды. Он не осмеливался лезть в кровать Сун Цзиньчэня в грязной одежде и колебался, как вдруг обнаружил у входа из спальни в ванную хитроумно встроенный шкаф, при нажатии оказавшийся гардеробом для пижам.

Он выбрал самую обычную на вид голубино-серую, шёлковая ткань была скользкой и блестящей, как волосы красавицы из рекламы шампуня.

— Подойди, — Сун Цзиньчэнь, полулежа на изголовье и что-то листая, поманил его.

Штанины и рукава пижамы были длиннее на целый отрезок, брючины, как струящаяся вода, ниспадали на тыльную сторону стоп Чу Юя. Он, зажав рукава, подошёл мелкими шажками.

— Встань прямо, ноги и руки вместе, — ладонь шлёпнула его по внешней стороне бедра.

Сун Цзиньчэнь взял аккуратно сложенную шёлковую ленту с прикроватной тумбочки, обмотал ею его тело, завязав замысловатый и изящный узел, затем затянул, заставив это юное тело выпирать под лентой выпуклыми участками кожи. Закончив, на лице Сун Цзиньчэня появилась тонкая улыбка — покорность Чу Юя его удовлетворила.

К утру на теле этого послушного ребёнка будут красивые синяки, вросшие в плоть.

Сун Цзиньчэнь, страдая от головной боли, но не желая напрасно тратить подаренное мясо, продержал Чу Юя связанным всю ночь. Утром, проснувшись, он увидел, что Чу Юй лежит на подушке, лицо залито слезами.

— Что случилось? — Сун Цзиньчэнь нахмурился. Это должно было быть романтической игрой, почему же выглядит так, будто его похитили?

Чу Юй всю ночь терпел позывы к мочеиспусканию, живот вот-вот лопнет. Он всю ночь прерывисто плакал, не в силах побороть сон, засыпал и просыпался, солёная вода стекала по носоглотке в горло, горло, промаринованное за ночь, стало хриплым, как у задушенного попугая.

— Я… я хочу писать…

Сун Цзиньчэнь открыл ящик прикроватной тумбочки, достал складной нож и перерезал ленту. Чу Юй, едва ступив на пол, чуть не упал на колени. Из-за долгого пребывания в неподвижной позе кровообращение нарушилось, пальцы ног онемели и кололи, словно их кусали муравьи. Одна рука схватила его за спину пижамы и приподняла, что можно было считать поддержкой. Чу Юй, словно получив помилование, пошатываясь, побежал в ванную.

Штаны сползли на ступни, собравшись у голеней. Чу Юй закусил край пижамы, закатал рукава и зажал их подмышками, ухватил свой маленький, с палец длиной, член и с наслаждением пописал. Его руки и лицо были медового оттенка, а средняя часть тела, не видевшая солнца, была бледной, от ягодиц вниз шли две ноги, белые, как шелкопряды. Такое молодое, здоровое тело было разделено на несколько частей багрово-синими синяками.

Сладко-горько-едкая моча хлестала по стенке унитаза, поднимая лёгкий аммиачный пар. Сам Чу Юй был полон жизненных сил, как его моча, и это было самой очаровательной его чертой.

Закончив, он вытер лобковые волосы и головку члена бумагой, затем оторвал ещё два куска, смочил их водой и промокнул промежность. Шёлковая лента пересекала его пах, после скручивания она натёрла половые губы, вызывая боль и зуд. Он поднял мокрую бумагу и посмотрел — слава богу, кожа не порвалась, крови не было.

Чу Юю не было и двадцати, он только-только достиг совершеннолетия два месяца назад. Если бы не крайняя нехватка денег, он бы не стал заниматься этим делом — лизать члены.

Он был уродом от рождения, с двумя наборами половых органов. Когда он родился, думали, что это девочка, уже собирались выбросить, но бабушка раздвинула его ноги, посмотрела и — слава богу, будда милостив — спереди оказался маленький пенис. Он был маловат, но всё же мальчик, а маленькая дырочка сзади не страшна, потом сделают операцию, зашьют, и внук останется внуком их старого рода Чу.

До двух лет он всё ещё мочился только на корточках. Когда вставал, пенис был таким маленьким, что его нельзя было удержать, и моча стекала по ногам. Бабушка думала, что это из-за той дырочки сзади, и туго зажала его клитор деревянной прищепкой для белья, надеясь, что то место омертвеет и отомрёт, отрезав путь к тому, чтобы стать девочкой. Чу Юй плакал от боли, мать, беременная младшим братом, не выдержала и бросилась его спасать, во время споры упала на землю, родила преждевременно, младший брат с рождения попал в инкубатор. Бабушка и отец побежали смотреть на брата, а когда вернулись, мать исчезла.

После того как мать навсегда ушла, он наконец научился, зажимая пенис размером с кончик

карандаша, мочиться стоя. Поскольку он мочился стоя, он снова стал мальчиком, ему разрешили ходить в школу, в старших классах он жил в общежитии, но в школе стало невмоготу, он бросил учёбу, стал одеваться как бандит и болтаться по улицам. Он дрался, не щадя жизни, и, отчаянно нуждаясь в деньгах для семьи, был готов взяться за любую грязную работу, лишь бы получить свою долю. Чу Цзюньхун любил азартные игры, бабушка проиграла все деньги на похороны и скончалась от злости, бремя легло на плечи Чу Юя, и на этот раз отец-игроман снова задолжал кому-то денег.

Целых семь тысяч, никогда раньше не было такой суммы, для него это было астрономическим числом. Он слышал, что продажа тела приносит быстрые деньги, и пошёл к начальнику в клуб, где раньше работал.

Начальник предложил ему лучше обманом заманить несколько учениц из его бывшей школы, за каждую девчонку ему дадут тысячу процентов.

— Девушки так дорого стоят? — он был потрясён.

— Ты, пацан, конечно, не знаешь. Говорю тебе, эти богачи любят удачу с кровью девственницы, симпатичные, не считая денег за алкоголь и услуги, за ночь могут выручить вот столько, — начальник показал два пальца. — Двадцать тысяч.

Чу Юй сглотнул слюну, пальцы, засунутые в карман штанов, незаметно ухватились за край трусов:

— А парни?

Начальник окинул его взглядом с головы до ног:

— Три-четыре тысячи, сколько чаевых сможешь выпросить — твои умения. С твоей внешностью, пять тысяч точно будет.

— Тогда… брат, как это делается? Научите меня, пожалуйста, мне правда нужны деньги, — Чу Юй ухватился за рукав начальника. — Брат, как только у меня появятся деньги, первым делом отблагодарю вас!

Начальник искоса посмотрел на него, потрогал его щёку:

— Лизать члены умеешь?

Чу Юй побрызгал на лицо холодной водой, наклонил голову, прополоскал рот, и только тогда открыл дверь ванной.

Сун Цзиньчэнь сидел на краю кровати и разговаривал по телефону, увидев его, поманил. Чу Юй, подобрав штанины, подошёл. Сун Цзиньчэнь потрогал его тонкие плечи, слегка надавил, и Чу Юй понял, что нужно встать на колени, и быстро опустился.

Он встал на колени, сидя на пятках, две розовые подошвы торчали сзади, отчего у Сун Цзиньчэня защекотало в сердце, и он нетерпеливо надавил на его голову. Лицо Чу Юя упёрлось в пижамные штаны мужчины, и он понял, что Сун Цзиньчэнь хочет, чтобы он обслужил его утреннюю эрекцию. Он с неохотой стянул с мужчины пижамные штаны и, сдерживая отвращение, вытащил уже показавшуюся из-под края трусов головку члена.

К счастью среди несчастий, член Сун Цзиньчэня был чистым, выглядел лучше, чем у начальника, и не имел того тошнотворного запаха члена.

Сун Цзиньчэнь, разговаривая по телефону, снова надавил на его затылок, торопя побыстрее. Чу Юй, стиснув зубы, вспомнил про кольцо и часы, которые прошли мимо, открыл рот и взял Сун Цзиньчэня в рот. Густые лобковые волосы окружили кончик его носа, запах геля для душа смешался с мускусным ароматом, отчего Чу Юя затошнило, и он не смог сдержать рвотный позыв.

— Я понял, продолжай, — живот Сун Цзиньчэня дёрнулся, ладонь легла на подбородок Чу Юя, большой палец сквозь щёчную мышцу нащупал круглую выпуклость, которую он создал внутри, затем скользнул за ворот пижамы, с наслаждением поглаживая шею и плечи юноши. Кожа юноши была гладкой и упругой, кости плеч не заполняли всю его ладонь, имея идеально подходящие для игры очертания. — Хорошо, можно перевести деньги.

От шеи Чу Юя до груди пересекались синяки, оставленные верёвкой, переход между медовым и бледным оттенком кожи был гармоничным, как прекрасно пропитанный жёлтым нефрит Хотана, медово-белый с багрово-красным, чистый и прекрасный, ещё более приятный глазу, чем ожидал Сун Цзиньчэнь, и он невольно почувствовал к нему некоторую жалость.

— Да, на этом всё.

Сун Цзиньчэнь поспешно закончил разговор и поднял мальчика, который усердно глотал и лизал перед ним.

Сун Цзиньчэнь: «Если будешь послушным, куплю тебе целую улицу».

http://bllate.org/book/15448/1370450